

На правах рукописи

Сафин Айшат Маратович

ОШИБКА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Специальность 09.00.11 – социальная философия

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Казань – 2014

Диссертация выполнена на кафедре социальной философии института социально-философских наук и массовых коммуникаций ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет

Научный руководитель доктор философских наук, профессор ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
Шатунова Татьяна Михайловна

Официальные оппоненты доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социальной философии ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет»
Керимов Тандыг Хафизович

кандидат философских наук, доцент ФГБОУ ВПО «Самарский государственный университет»
Разинов Юрий Анатольевич

Ведущая организация **ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского»**

Защита состоится 19 февраля 2014 года в 14.00 на заседании диссертационного совета Д 212.081.16 при Казанском (Приволжском) федеральном университете по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35, ауд. 1607.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (ул. Кремлевская, 35, читальный зал № 1). Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте Казанского (Приволжского) федерального университета <http://www.kpfu.ru> и на официальном сайте Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ <http://vak.ed.gov.ru>.

Автореферат разослан «___» _____ 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,

кандидат философских наук, доцент

Г.К. Гизатова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования феномена социальной ошибки обусловлена необходимостью конституирования субъектных характеристик современного человека. Мир сегодня становится всё более динамичным и многомерным, и в силу этого человеку всё трудней проявлять и развивать свои субъектные качества и, прежде всего, добиваться поставленных целей. Более того, современный человек нередко избегает даже ставить себе какие-то цели: их достижение может обернуться ненужной победой. В этих условиях тот, кто имеет смелость быть действующим лицом, обязательно ошибается. Как относиться к своим и чужим ошибкам? Что делать, чтобы их не совершать? Как быть, если ошибается не один человек, а целая нация, государство, цивилизация? Возможно ли, чтобы ошибалась целая эпоха или даже всё человечество? Можно ли исправить эти ошибки? Где находится точка «невозврата», пройдя которую, исправить что-либо уже невозможно? Ответы на все эти практические, жизненно важные вопросы для современного человека необходимы, поэтому анализ феномена ошибки представляется актуальным. Кроме того, анализ собственных промахов представляет собой, по сути, важнейший вариант саморефлексии. «Работа над ошибками» возвращает человека к самому себе, к своим поступкам и мыслям, побуждает развитие внутренней самооценки и самосознания, совершенствуя тем самым субъектные характеристики человека. В этой связи важно понять, какое место в структуре человеческой деятельности занимает ошибка.

Будучи теневой стороной деятельности, феномен ошибки всегда сопровождал и будет сопровождать человеческий род до тех пор, пока история будет представлять собой «деятельность преследующего свои цели человека»¹.

Однако в начале третьего тысячелетия стабильность мировой цивилизации снова оказалась под угрозой, и предвидение, осознание и оценка ошибочных шагов человека, государства, цивилизации, а, возможно, и человечества в целом стали актуальной задачей и практиков, и учёных-гуманитариев, в том числе социальных философов. Общественный закон сегодня потерял свою жесткость, каждая точка его роста имеет множество возможностей дальнейшего развития, социальность приобрела структуру спутанности и переплетения, стала процессуально-дифференциальной², в силу чего многие человеческие поступки приобрели многозначность, и стало гораздо сложнее выделить ошибку в любом социальном действии субъекта.

Мы предполагаем, что до Нового времени феномен человеческой ошибки не имел философского значения ни для общества, ни для индивида. Причина этого кроется в том, что лишь с эпохи Возрождения начинается антропологический и гуманистический поворот философии, мыслящей

¹Маркс К. Святое семейство, или критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании. // Сочинения. В 50-ти т. Т. 2. – М.: Гос. изд. полит. лит.-ры, 1955. С. 105.

²См.: Керимов Т.Х. Гетерология и концепция дифференциальной социальности // Социальное: содержание, смысл, поиск в современном культурно-историческом пространстве и дискурсе: материалы Международной научно-практической конференции. – Казань. Казан. ун-т, 2011. С. 48-56.

человека как ответственного социального субъекта, способного принимать самостоятельные решения, поступать свободно, а значит и оценивать некоторые свои действия как верные или ошибочные. Интересно, что именно в пространстве перехода западноевропейской цивилизации от Средневековья к Новому времени окончательно оформляется школа как социальный институт (М. Фуко) и вместе с тем образуется пространство, в котором *человек обучающийся* в принципе имеет право на ошибку и может ошибаться, хотя бы в какой-то мере оставаясь безнаказанным (Розеншток-Хюсси)¹.

Анализ феномена ошибки на материале культурно-исторических реалий Нового времени является ключевым по отношению к прошлым эпохам, т.к. становится заметной тенденция роста роли субъективного фактора в обществе, а значит и возрастания значения социальной ошибки. Отныне субъектом может считаться и быть не только познающий человек, но и актер любого социального (экономического, политического, религиозного или художественного) действия. Появление человеческой субъектности и феномена социального диалектически взаимообусловлено: рождение и открытие социального есть обратная сторона становления субъекта. Следовательно, ошибка как один из возможных результатов социального действия также приобретает значимость и специфические социальные, а не только гносеологические характеристики.

Актуальность исследования феномена социальной ошибки обусловлена также внутренними потребностями развития социально-философской теории: если феномен деятельности как атрибута индивидуального и общественного бытия детально исследован², то феномен ошибки как ее «неидеальная» сторона оставался всегда в тени. Между тем, представляется, что в современных социальных реалиях исследование теневой стороны деятельности индивида, социальной группы, общества может оказаться продуктивным при анализе субъектных характеристик современного человека.

Степень изученности проблемы. На сегодняшний день феномен социальной ошибки практически не изучен, и нет ни одного фундаментального исследования, специально посвященного данному предмету. Тем не менее, отдельные категории, находящиеся в основании определения социальной ошибки, исследованы в разной степени представителями различных философских направлений. Так, например, рефлексию по поводу ошибок мы можем обнаружить уже у Парменида, пытавшегося провести границу между истиной и мнением. Сократ и Платон стремились обосновать методы истинного (безошибочного) познания, Аристотель формулировал законы логики как науки о правильном (безошибочном) мышлении. В средневековой философии категории ошибки и истины рассматриваются в контексте таких направлений как номинализм, реализм и концептуализм, а также сопрягаются с понятием

¹Пигалев А.И. Язык, культура и история в «диалогическом мышлении» Ойгена Розенштока-Хюсси / Розеншток-Хюсси О. Язык рода человеческого: пер. с нем., англ. / Ойген Розеншток-Хюсси; Пер., сост. А.И. Пигалев. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 593.

²Большой вклад в исследование деятельности как атрибута человеческого бытия внесли К. Маркс, Ф. Энгельс, Г.С. Батищев, А.Н. Леонтьев, Н.Н. Трубников.

греха. Становление естествознания в XVI-XVII вв. и развитие капитализма с его промышленной революцией создают основание для гносеологического поворота в философии Нового времени, когда на первый план среди философских дисциплин выходит теория познания. Предметом философского анализа становятся причины ошибок в познавательном процессе. Развернутое учение об объективном характере этих причин создал, как известно, Ф. Бэкон (учение об идолах или призраках), но и в трудах других философов Нового времени (Декарта, Лейбница, Канта, Гегеля) мы можем обнаружить отдельные элементы анализа человека как вечно ошибающегося существа. Развитие классической гносеологии всегда затрагивало категорию ошибки, которая противопоставлялась истинному знанию и определялась, соответственно, в диалектическом взаимодействии с истиной. Однако ошибка как таковая долгое время не была самостоятельным объектом изучения. Даже у Бэкона, уделившего особое внимание природе ошибок, этот феномен носил характер, подчинённый процессу познания истины. Ошибка – как категория гносеологии – продолжала рассматриваться и в неокантианстве, и в позитивизме, но ещё долгое время оставалась без внимания социальных философов.

Те немногие исследования современных философов, которые, так или иначе, затрагивают феномен ошибки, в основном направлены на решение гносеологических, антропологических и онтологических задач. Кроме того, в этих работах ошибка, как правило, рассматривается как результат деятельности отдельного индивида. Мы же исходим из того, что ошибка есть результат деятельности не столько индивида, сколько социально-исторического субъекта независимо от того, является ли он отдельным человеком (личностью) или коллективным, «большим» субъектом. Этот момент вносит свои коррективы в исследование ошибки: её «субъектная» природа позволяет увидеть за ней не просто случайность и «негативность», но и выявить социальную закономерность и продуктивность для человека.

В таком ракурсе исследования ошибки как социального феномена становятся необходимыми две группы категорий, два категориальных ряда: ряд категории субъекта (субъектность, субъективность, исторический субъект) и ряд категории социального (социальности, социальных отношений). Категориальный ряд субъекта изучался в нововременной философии со времен Декарта, и практически нет такого философа, который бы не исследовал этой проблематики. Идея человека как субъекта деятельности претерпела несколько этапов критики, и сегодня главным образом обсуждается проблема кризиса человеческой субъектности в современном мире. Не ставя своей задачей анализ всех этапов развития и критики категории субъекта и используя её в сопряжении с изучением ошибки, мы двигались от трудов Р. Декарта, И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля и К. Маркса к работам М. Фуко, Р. Барта, Ж. Лакана, С. Жижека, И.П. Ильина и Ю.А. Разинова.

Категорией, играющей ключевую роль в определении социальной ошибки, является социальное. Вопросы природы социального и социальных отношений попадают в объектив философии преимущественно в Новое время,

особенно в эпоху Просвещения, поэтому осязаемый вклад в изучение социального принадлежит нововременным мыслителям (Т. Гоббс, Дж. Локк, А.Р.Ж. Тюрго, Вольтер, Ж.-Ж. Руссо и др.). Активно этой проблемой занимались Т. Адорно, З. Бауман, М. Вебер, Д. Лукач, К. Маркс, Т. Парсонс, М. Хоркхаймер. Среди современных отечественных философов назовем работы Д.Э. Гаспарян, В.Е. Кемерова, Т.Х. Керимова, В.А. Конева, К.С. Пигрова, А.Ю. Согомонова, П.Ю. Уварова, Н.А. Терещенко, В. Фурса.

Гносеологические аспекты феномена ошибки рассматривались на материале работ Аристотеля, Р. Декарта, И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля. Исследуя роль ошибки в контексте философской антропологии, мы опирались на тексты В.С. Вильчека, В.Д. Губина и Е.Н. Некрасовой, Б.Ф. Поршнева. Рассматривая феномен ошибки в онтологическом срезе, мы прибегали к трудам И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, М. Хайдеггера, А.В. Кожева, Ф.И. Гиренка, Ю.А. Разинова, Н.Н. Трубникова. В понимании социально-культурных и исторических предпосылок социальной ошибки мы исходили из работ Г.В.Ф. Гегеля, М. Вебера, К. Маркса, К. Ясперса, Х. Ортеги-и-Гассета, Н.Н. Трубникова, З. Баумана, Э.Ю. Соловьёва.

Логика анализа ошибки как социального феномена выстраивается от Гегеля и Маркса через работы А.В. Кожева и В.И. Ленина к трудам современных отечественных философов: Ф.И. Гиренка, Д.Э. Гаспарян и Ю.А. Разинова. Работы А.В. Кожева, В.И. Ленина и Ю.А. Разинова объединяет конструктивная, на наш взгляд, позиция, утверждающая продуктивность ошибки в процессе становления субъектности современного человека.

Объектом исследования является ошибка как социальный феномен в единстве его становления и современного состояния.

Предмет исследования – специфика социальной ошибки в процессе формирования субъекта социальной деятельности.

Целью исследования является демонстрация эвристического потенциала понятия и продуктивности феномена социальной ошибки: обнаружение её сущности и специфических характеристик как парадоксального механизма становления человеческой субъектности в современном обществе.

Реализация цели предполагает необходимость решения ряда взаимосвязанных **задач**:

1. Выработать рабочее определение феномена ошибки как теневой стороны деятельности преследующего свои цели человека;
2. Выявить антропологические и онтологические основания феномена социальной ошибки;
3. Выяснить культурно-исторические предпосылки рождения феномена социальной ошибки от Античности до появления новоевропейского субъекта в контексте социального;
4. Исследовать а-историческое событие в качестве источника и причины инверсии социальных характеристик ошибки;
5. Раскрыть специфику социальной ошибки как деятельности человека в пространстве закона иронии истории;

6. Показать продуктивность социальной ошибки в процессе становления субъектности современного человека.

Методологическую основу исследования составляет диалектический принцип восхождения от абстрактного к конкретному, разработанный Марксом. Двигаясь от абстрактного рабочего определения ошибки как теневой стороны деятельности, состоящей в расхождении цели и результата, мы подошли к ее синтетическому определению в качестве социального феномена. Ошибка исследовалась в плане ее гносеологических, антропологических, онтологических и исторических составляющих, единство которых в пространстве социальной философии обнаружило себя в определении социальной ошибки как результата деятельности социального субъекта, работающего с превращенными формами общественных отношений под властью закона иронии истории.

Применен также метод единства исторического и логического: показано становление специфических характеристик ошибки как социального феномена в движении культурно-исторических реалий от Нового времени к современности. Онтологическая установка использована для описания парадоксов человеческой жизни в ситуации совершения социальной ошибки. При исследовании становления культурно-исторических форм социальной ошибки использовался конкретно-исторический подход.

Научная новизна исследования:

– обозначено новое пространство исследования – феномен социальной ошибки, который эксплицируется в современной ситуации, проблематизирующей субъектные характеристики человека;

– определены внешняя и внутренняя характеристики ошибочности действия: внутренняя – нарушение алгоритма действия как несоответствие между целью, идеальным средством-понятием и реальным средством-предметом, приводящее к расхождению результата с целью; внешняя – нарушение субъектом социальных норм и законов общественно-исторической практики;

– обнаружены основные онтологические характеристики ошибки – её темпоральность (она осознается постфактум либо предвидится, обнаруживая «игру человека со временем» или «игру времени с человеком»); потенциальность (создание «другого» бытия как виртуального пространства возможного, проживаемого человеком *как если бы* он этой ошибки не совершал); перформативность (ошибка – это действие, *признанное, представленное* субъектом в качестве ошибочного);

– феномен ошибки представлен с позиции, соединившей ее антропологическую, гносеологическую, онтологическую и историческую составляющие в пространстве социальной философии, что позволило применить для выявления сущности социальной ошибки закон иронии истории, согласно которому игра исторических закономерностей и случайностей рождает парадокс: обладающие целеполаганием люди не знают, что они реально делают (Гегель, Маркс); на этой основе сформулировано *определение*

понятия социальной ошибки: это расхождение результата с целью, возникающее при вовлечении субъекта в превращенные формы общественных отношений, сущность которых ускользает от его действия в пространстве закона иронии истории;

– определение феномена социальной ошибки позволило обнаружить особую значимость превращенных форм *результата* деятельности – это «гениальные» ошибки, поражения, которые «стоят многих побед» и способны включать «энергию заблуждения» (В.Б. Шкловский), когда человек лучше постигает себя и больше может сделать, ошибаясь и снова отыскивая верные цели, пути и средства их реализации;

– обнаружены конкретно-исторические формы темпоральности социальной ошибки: *элементарная* (архаическая), в которой ошибка осознаётся в качестве таковой после её совершения; *проективная* (родившаяся при переходе от Средних веков к Новому времени), в которой ошибка осознаётся до ее совершения, тем не менее, совершается сознательно и является точкой роста человеческой свободы; *неизбежная* (как результат отчуждения в условиях буржуазной цивилизации), в которой знание неверности действия не отменяет его необходимости: «они знают это, но они это делают» (Маркс); *рефлексивная*: субъект предвидит нежелательный результат, возвращается в исходный пункт действия и движется вперед к намеченной цели иным путем, по схеме «назад в будущее»;

– рефлексия социальной ошибки представлена как мощный катализатор развития человеческой субъектности в условиях действия закона иронии истории, что позволило обнаружить личностный механизм работы над ошибками: воздействие на превращённую форму общественных отношений посредством превращённой формы деятельности субъекта, что позволяет преодолевать власть закона иронии истории.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Проблемная ситуация, вызвавшая ощущение необходимости исследовать феномен социальной ошибки, порождена сегодня, на наш взгляд, колоссальным углублением кризиса субъекта социального действия. Ситуация, когда сама возможность человеческой субъектности поставлена под вопрос, представляет, как нам видится, угрозу метафизической сущности человека. В этой связи встает проблема поиска способов формирования его субъектных характеристик. Если в классической философии субъектность человека связывалась с его *сознанием*, то неклассическая социальная философия видит человека субъектом *деятельности*. Постнеклассическая социальная философия обнаруживает парадоксальный источник становления человеческой субъектности – способность человека совершать ошибки и работать над ними.

2. Исследование феномена человеческой ошибки не попадало в поле зрения классического социального философа, поскольку рассматривался, как правило, идеальный вариант деятельности, результат которой мало отличался от поставленной цели, а само целеполагание мыслилось как необходимая сторона и источник общественного развития. Современный глобальный и

отчужденный от человека характер социальной динамики вывел на первый план теньевые характеристики человеческой деятельности, ранее скрытые от взгляда исследователя, что позволило сформулировать два абстрактных определения понятия ошибки. Первое – внутреннее, в котором деятельность рассматривается независимо от социально-исторических условий: ошибка – несоответствие результата цели, сбой в алгоритме деятельности. Такой алгоритм представляет собой некую умозрительную последовательность операций, направленную на достижение цели и предполагающую некоторые идеальные средства. В живую же практику включаются реальные последовательности и средства, разрушающие идеальный алгоритм, что и является источником ошибки. Социальный контекст любой деятельности обуславливает необходимость ввести второе, «внешнее» определение ошибки: это несоответствие результатов деятельности социальным нормам и – шире – законам общественного развития. Различие этих двух определений вскрывает диалектику субъективного и объективного в феномене ошибки. С одной стороны, ошибка не может не быть субъективным феноменом ввиду своей перформативной природы: ошибка – это действие, *признанное* субъектом в качестве ошибочного. С другой стороны, в силу социального характера человеческой деятельности, нет такой ошибки, которая не отложилась бы в социальном опыте человечества, что обеспечивает ей объективность.

3. В антропологическом аспекте ошибка представлена как родовая, субстантивная характеристика человека. В отличие от животного, только человек может, допустив ошибку, внести ее в коллективный опыт и тем самым защитить от ошибок других людей. Животное, совершившее ошибку, погибает, а для человека как родового существа ошибка индивида становится условием выживания и сохранения рода и, по закону иронии истории, возможностью совершения новых ошибок.

4. Анализ ошибки как необходимого фактора человеческого *бытия* не может быть осуществлен вне пространства онтологии. Темпоральность как онтологическая характеристика ошибки указывает на то, что она всегда развертывается в социальном времени. *Элементарная* форма темпоральности предполагает, что ошибка осознается постфактум, после её совершения. *Проективная* форма ошибки предполагает ее осознание до совершения. Тем не менее, такая ошибка сознательно совершается и является точкой роста человеческой свободы. В условиях отчуждения, порожденного буржуазной цивилизацией, рождается *неизбежная* форма темпоральности ошибки: знание неверности действия не отменяет необходимости его продолжения: «они знают это, но они это делают» (Маркс). Чем ближе к современности, тем больше возможностей появления рефлексивной формы ошибки, когда субъект предвидит нежелательный будущий результат своих действий, мысленно возвращается в начальную точку настоящего и снова движется вперед, «окольным» путем достигая намеченной цели по принципу «назад в будущее».

Именно совершённая ошибка обнажает внутреннюю структуру деятельности, вбивает клин между целью, средством и результатом. Благодаря

этому время, потраченное на достижение цели, обнаруживает себя перед субъектом как проведенное впустую. Это «пустое» время, не подчинившееся человеческой деятельности, становится пространством возможного (виртуального). Потенциальность, «завязанность» ошибки на развилку возможного, действительного и должного приводит к тому, что в точке совершения ошибки человеческая жизнь раскалывается на две реальности – наличную и возможную (как если бы ошибки не было). При этом и фиксация «точки» ошибки, и попытка мысленного проигрывания альтернативных вариантов судьбы человека возможны только с опорой на социальный опыт.

5. Обнаруженные антропологические и онтологические характеристики феномена ошибки указывают на её связь с феноменом социального. С одной стороны, способность ошибаться определяется как *социальная* характеристика человека, поскольку с позиции индивида ошибка – явление вторичное (производное) по отношению к социальной норме, в частности, и к общественно-исторической практике, в целом. С этой позиции индивиды и группы людей могут и неизбежно ошибаются, а социально-историческая практика – никогда. Однако в силу этих же причин индивид или коллектив может учиться на чужих ошибках. С другой стороны, само социальное никогда не создается один раз и навсегда, а постоянно переделывается, причем во многом *методом проб и ошибок*. Вот почему ошибка выступает как форма конституирования социального. Это драматический процесс, в котором люди пытаются освоить стихийность общественной динамики, терпят поражения, отступают и снова действуют, лишь иногда одерживая победы. Только так социальное может быть представлено как сознательное, в том числе и практическое отношение исторического субъекта к стихийному процессу складывания общественных отношений. Социальное утверждает себя как пространство, в котором человек не только совершает свои ошибки, но и работает над их исправлением.

6. Начиная с Нового времени вместе с массовым становлением личности, ростом её субъектности и концентрацией человеческой негативности феномен социальной ошибки достигает своей развитости, поэтому и понятие социальной ошибки может быть сформулировано во всей своей конкретности. Социальная ошибка определяется как деятельность субъекта под властью закона иронии истории, направленная на работу с превращенной формой общественных отношений, в которой видимость представлена субъекту и принята им как неразложимая далее сущность того или иного социального феномена, причем сама эта сущность остается для субъекта недоступной. Ошибка теперь не просто результат деятельности отдельного индивида: ее может совершать «большой», коллективный субъект. В то же время социальная значимость, цена ошибки отдельного индивида многократно возрастает.

7. Мировые войны двадцатого столетия как а-исторические события порождают целый ряд инверсий характеристик социальной ошибки. Во-первых, когда ошибается «большой» социальный субъект, теневая сторона деятельности выходит на первый план, затмевая светлую, и тогда само а-

историческое событие воспринимается как ошибка общества, являющего в ней свою квази-целостность. В таких ситуациях возникает мысль о том, что ошибается все человечество. Во-вторых, уходит в прошлое представление о разумности исторического процесса, и становится сложно устанавливать правильность поступка или действия, опираясь на его законосообразность и рациональность. Ошибка тогда приобретает характер интимно-личностного переживания. Наконец, теперь уже не общество (в лице своих идеологов) создает нормы для индивида, а, наоборот, индивид предъявляет обществу свои ценности и требования, объявляя происходящее, например, войну – ненормальным. Пространство действия таких инверсий может содержать в себе истоки принципа «работы над ошибками».

8. В обществе «текущей современности» (З. Бауман), в плотном окружении нередко противоположных паттернов-однодневок человек ощущает себя либо постоянно ошибающимся, либо не ошибающимся никогда, что опаснее: привычка самооправдания приводит к разрушению субъектного начала в человеке. Результат действий такого человека направлен против его же собственных целей, теневая сторона его деятельности выходит на первый план по сравнению с её светлой стороной, и человек отдает себя во власть закона иронии истории.

9. Выход из-под власти закона иронии истории возможен редко и тоже с позиции иронии истории. Мы обнаружили некоторый механизм избегания действия этого закона: сам человек способен воздействовать на превращенные формы таким же образом – превращенной формой самого себя или превращённым действием. Человек способен использовать закон иронии истории в логике «хитрости разума», разворачивая его на себя. В.Б. Шкловский назвал подобный феномен «энергией заблуждения», когда совершаются великие, гениальные ошибки. Энергией заблуждения может жить каждый человек, когда, например, живет так, как будто он бессмертен. Или, наоборот, как будто этот день последний в его жизни, что в принципе одно и то же. Это ошибка, превращенная форма его смертной, конечной жизни, однако именно на ее грани и совершаются бессмертные деяния. Тогда получается, что ошибаться нужно, необходимо, это тернистый, но надежный путь к себе как к субъекту социального действия. Это путь, по которому можно идти даже в самых неблагоприятных социальных условиях, ошибаясь, но избегая нарушения меры ошибки в пользу преступления. Ирония истории, конечно же, действует и на этом пути. Однако современный человек способен хотя бы иногда *воспользоваться* действием этого закона, не бояться совершить ошибку, памятуя о том, что ничего не сделает тот, кто не ошибается.

Теоретическая и практическая значимость исследования обусловлена новизной и актуальностью его проблематики. Работа очерчивает новое концептуальное поле – ошибка как социальный феномен. Оно позволяет выявить и подвергнуть анализу ряд важнейших характеристик общественного бытия и социальности. Основные выводы о механизме, роли, функциях и формах социальной ошибки могут быть использованы в учебном курсе

социальной философии в разделе «Общественное бытие», «Общественное производство», «Общественные отношения», «Общественное бытие и общественное сознание», «Социальная статика и социальная динамика», «Человек и общество», «Человек. Индивид. Личность. Индивидуальность».

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационной работы изложены в шести публикациях автора (три из них в изданиях, рекомендованных ВАК), а также в выступлениях на конференциях: Международная научно-образовательная конференция «Многомерность и целостность человека в философии, науке и религии» (Казань, КФУ, 20-21 апреля 2012 г.), межвузовская научная конференция «Садыковские чтения» (2 ноября 2012 г.), Международная научно-образовательная конференция «Гуманизм и современность» (Казань, КФУ, 8-9 ноября 2013 г.), итоговая научная конференция КФУ 2013 гг., секция «Философия» (13.03.2013 г.).

Структура работы соответствует логике решения поставленных задач. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** диссертационной работы обосновывается актуальность темы исследования, дается общее представление о степени теоретической разработанности проблемы, формулируются цель и задачи, раскрывается научная новизна исследования и его научно-практическая значимость.

В первой главе **«Феномен ошибки в зеркале философской рефлексии»** формулируются первые, абстрактные определения феномена ошибки, выявляются исходные антропологические и онтологические основания ее социально-философского анализа.

В §1 **«Рабочее определение понятия ошибки»** задается ракурс теоретического исследования, переводящий анализ феномена ошибки из плоскости гносеологии, традиционно сопрягавшей ошибку с заблуждением, в плоскость социальной философии. В классической теории познания уже содержатся моменты, вызывающие потребность в социально-философском анализе феномена ошибки. Например, известные бэконовские призраки (идолы) пещеры и рода относят нас к проблемам соотношения индивида и общества, т.е. к социальной реальности. Значит, гносеологический анализ уже позволяет выявить социальный подтекст феномена ошибки.

Неклассическая философия меняет ракурс взгляда на человека: если раньше его субстантивным качеством мыслилось сознание (как способность к познанию), то теперь – деятельностное начало, причем во внимание берутся не схваченные классикой теневые стороны деятельности, одной из которых выступает ошибка. Самое простое и абстрактное определение ошибки представляет ее как несоответствие результата деятельности заданной цели, что предполагает анализ деятельности вне её конкретно-исторической формы в качестве «вечного естественного условия человеческой жизни» (Маркс). Причина ошибки заключается в том, что в стадии целеполагания субъект деятельности исходит из идеально-абстрактного характера цели и средства-понятия (Н.Н. Трубников). Выстраивание деятельности в таком идеальном виде составляет суть алгоритма – некой умозрительной последовательности операций, направленной на достижение цели и предполагающей соответствующие средства. В практику же включаются реальные средства-предметы, не все свойства которых учтены при составлении алгоритма. Как следствие, он нарушается, и происходит ошибка. Вторая, «внешняя» сторона определения ошибки представляет ее в контексте социально-исторических условий как нарушение норм и законов общественного развития. Единство двух определений ошибки отражает внутреннюю диалектику субъективного и объективного в данном феномене. С одной стороны, ошибка является субъективным феноменом в том смысле, что необходимо должна быть признана каким-либо субъектом в качестве таковой. Эту характеристику можно обозначить как перформативность ошибки, когда действие маркируется самим фактом его осмысления и не может быть *представлено* иначе. С другой

стороны, ошибка является объективным феноменом, поскольку критерием, определяющим деятельность в качестве ошибочной, является общественно-историческая практика. Иными словами, непосредственный автор деятельности может и не признавать свои ошибки, однако за него это сделает общество.

В качестве теневой стороны человеческой деятельности феномен ошибки лишен однозначно негативной коннотации: просто ошибка располагается «на полях» как теоретического внимания философии, так и самой человеческой жизни, в которой человеку «зачисляются» только успешно завершённые дела и достигнутые цели. Ошибки же, промахи, оплошности всегда присутствуют в человеческой жизни, но, парадоксально, не попадают в «просвет бытия» (Хайдеггер). Между тем ошибка не только является неотъемлемой частью человеческой жизни – хотя бы потому, что занимает (отнимает?) время – но к тому же может быть весьма продуктивной. Классическая философия, безусловно, знает эту теневую сторону человеческой деятельности (рассуждения Бэкона об идолах, например, это подтверждают), но принципиально акцентирует свое внимание на её «светлой», «правильной» стороне, на должном, а не на сущем. В отличие от этого неклассическая и постнеклассическая философия рассматривает мир во всем его многообразии, а человеческую жизнь – не как стремление к должному, а прежде всего как пребывание в мире повседневности, где классические философские оппозиции (сущее/должное, сущность/явление и т.д.) теряют «жесткость» и непреложную однозначность. Такая смена дискурса позволяет как бы расфокусировать «свет» философской мыслительной традиции, в результате чего в поле теоретического внимания и может попасть феномен ошибки, дотоле находившийся «в тени».

В §2 **«Антропологическая составляющая человеческой ошибки»** феномен ошибки исследуется с позиций философской антропологии как специфически человеческое явление: животное, будучи воплощением природной закономерности, действует инстинктивно, не ставит себе цели, а потому не может и ошибиться. Лишь с точки зрения человека животное «ошибается», но оно лишено возможности выстроить отношение к своей ошибке. Если животное «ошибается», то погибает. В силу этого оно не может извлечь пользу из совершенных им ошибок. Человек – единственное существо, которое может не только ошибаться, но и использовать свои ошибки для сохранения рода. Человек как биологический вид появился с «пустой» инстинктивной программой. Эта его недоразвитость как биологического вида компенсируется усвоением коллективного опыта: необходимыми для выживания знаниями, навыками, но в то же время – ошибками и умением работать с ними. Опыт – сын ошибок трудных (А.С. Пушкин) – формирует людей, становясь частью общественных отношений, а ошибка служит катализатором их развития. Ошибки отдельных людей или их групп становятся содержанием коллективного опыта и, следовательно, достоянием рода. Ошибка предстает как «побочный продукт» становления вида *homo sapiens* в целом.

Человек совершает ошибку и не погибает благодаря тому, что является *родовым* существом. Даже если в результате допущенной ошибки погибает

индивид, его действие, в том числе и ошибка, становится частью коллективного опыта и в качестве таковой – предостережением для других людей и последующих поколений: ошибки отдельных людей служат защитой от ошибок для всего человечества. Возможно, не в последнюю очередь именно благодаря этому «Человек смертен, а человечество бессмертно» (С.Н. Булгаков).

В §3 «*Онтологическое основание феномена социальной ошибки*» обнаруженные онтологические характеристики ошибки позволяют подойти к ее социальной природе. *Темпоральность* ошибки предполагает выход человека на социальное время: если деятельность успешна, субъект не видит, не чувствует время, но даже самая простая форма ошибки, осознаваемой постфактум, уже обнаруживает перед человеком время, которое приобретает не только цену, но и человеческое отношение к себе. Неисправимые ошибки обнажают неумолимость и трагическую необратимость движения времени, а неподчинившееся человеку время, «потраченное впустую», становится пространством возможного (виртуального). В разрыве цели и результата происходит потенциация (М. Эпштейн), переход из актуального состояния в потенциальное. Человек мысленно возвращается в прошлое и находит ту точку, где допустил ошибку. Внутренний мир такого человека неизбежно раскалывается на две части: мир ошибки, которую нельзя исправить (реальная жизнь), и мир «как если бы...» (*альтер-бытие*) – как если бы эта ошибка не была совершена. Пространство виртуального альтер-бытия, с одной стороны, выступает как полигон, предназначенный для испытания закономерностей бытия, а с другой стороны, становится местом экзистенциальной дислокации человека. Возникшее в результате раскола альтер-бытие начинает существовать параллельно с реальной жизнью, и человек вынужден жить в двух реальностях, которые сосуществуют во взаимодействии и борьбе, имеющей несколько вариантов исхода. В одном случае человек просто «забывает» о своей ошибке, загоня её в подсознание, и живёт так, как будто бы её никогда и не было. Он тщательно избегает какой-либо рефлексии по поводу содеянного, надеется или уверен в своей безнаказанности и вовсе не собирается платить по счетам. Он не умер, как умерло бы «ошибившееся» животное, но вся его жизнь превращается в суетливое существование, смысл которого – бегство от прошлого. В другом случае человек помнит о своей ошибке, которую уже нельзя исправить, и живёт с чувством раскаяния и сожаления. Такому человеку необходимо иметь мужество жить две жизни, которые иногда встречаются в противоборстве друг с другом. Несмотря на то, что по своей форме эти альтернативные варианты судьбы субъективны, по содержанию они объективны, что обусловлено социальным характером ошибки. Даже если речь идет о личной жизни человека, для самого факта признания ошибки – т.е. для фиксирования этой точки развилки, раз-двоения жизни – необходимо обращение к социальному опыту. Представить свою *судьбу другой* значит представить себя как *другого (человека)*, поэтому вторая онтологическая характеристика человеческой ошибки – *потенциальность* – всегда содержит в себе черты социальности.

Во второй главе **«Культурно-исторические предпосылки рождения феномена социальной ошибки»** социальная ошибка представлена в конкретно-исторических формах своего становления.

В §1 **«Трагическая ошибка как форма консолидации греческого полиса»** показано, что в классическом античном обществе начинается выход человека из мифологического, родового состояния, в частности, благодаря театру. Театр выступает как «точка венаходимости» (М.Бахтин), попадая в которую человек получает возможность обратить фокус своего сознания на самое себя. Греческая трагедия не психологична, а метафизична¹, поэтому, постигая судьбу трагического героя, зритель начинает не только рефлексировать над своей жизнью, но и познает закономерности человеческого бытия как такового. Поскольку узловым моментом греческой трагедии является роковая ошибка, эллин, во-первых, приходит к осознанию неизбежности и необходимости ошибки в жизни любого человека. Во-вторых, наблюдая за происходящим на орхестре сквозь призму ошибки, человек открывает для себя новые особенности социального времени и пространства. Здесь обнаруживает себя темпоральность ошибки: последствия ошибки зачастую настигают ошибившегося не сразу, а как бы сквозь время. В этом плане трагедия Эдипа является примером игры провидения, иронии судьбы и, возможно, даже иронии истории. Кроме того, коллективное со-переживание происходящему на орхестре является одним из механизмов социальной интеграции: в театре весь полис выступает как единое целое. Трагедия является механизмом формирования коллективного, пра-социального опыта, точкой роста общественного сознания. Ошибка в трагедии объективируется и становится отправным пунктом возникновения чувства социальной ответственности.

Представленную здесь форму ошибки – одну из самых простых, исторически первых – мы обозначаем как *элементарную* или архаическую: ошибочное действие или незапланированный результат обнаруживаются постфактум. Это значит, что эллин ещё не может предвидеть своей ошибки, его сознание не нацелено на предвосхищение возможных будущих проступков. Такую форму ошибки можно назвать базовой: из нее впоследствии разовьются другие исторические формы ошибок и новые варианты отношения к ним.

В § 2 **«Дискретность процесса становления феномена социальной ошибки: эллинистический опыт страха»** показана прерывность становления феномена ошибки в культурно-историческом процессе. Парадокс состоит в том, что в эллинистическом мире так или иначе складываются своеобразные формы социальности, а феномен социальной ошибки практически отсутствует. Причина этого кроется, на наш взгляд, в том, что сложная иерархическая структура эллинистического мира сильно индивидуализирует человека, оставляя его нередко один на один со всеми опасностями жизни. В душах людей поселяется страх, он становится типичным социальным чувством, и на этой почве растет апатия и нежелание действовать, чтобы не ошибаться.

¹ Ахутин А.В. Открытие сознания (Древнегреческая трагедия и философия)// Поворотные времена. – СПб., 2005. С. 142-193.

Важно, что эллинистический опыт страха обнаруживает свой аналог в современном обществе: подобно тому, как грек предстал перед эллинистическим космополитизмом, современный человек оказался в ситуации глобализации. Это значит, что человеку приходится постоянно деконструировать своё духовное основание, чтобы иметь возможность решать системные вопросы своего времени собственными силами. Как и в эпоху эллинизма, далеко не каждый современный человек может рассчитывать на поддержку каких-либо социальных институтов, он одинок в толпе. Между представителями массы и правящей элитой, как и тогда, – огромное социальное расстояние. Всё это не только заставляет человека избегать социально-политической активности, но и лишает уверенности в продуктивности действий, направленных на изменение своего непосредственного социального окружения. Опасность неверного шага, который может стоить человеку карьеры, свободы, даже жизни, формирует своего рода социальную апатию как способ избежать ошибочных поступков.

В § 3 *«Средневековая философия о соотношении греха и ошибки: инверсия темпоральности, или перевёрнутое время»* на материале «Истории моих бедствий» Пьера Абеляра обнаружена и показана временная трансформация феномена социальной ошибки. Инверсия темпоральности ошибки порождена сопряженностью с категорией греха. Именно боязнь совершения греха как такового, страх совершить больший грех, когда возможен меньший, искания жизни безгрешной побуждают человека осмысливать будущее, еще не совершённые ошибки. В пространстве перехода от Средневековья к Новому времени появляется человек, способный не просто рефлексировать уже совершённую ошибку, но и предвидеть её (*проективная форма* ошибки). Тем самым переворачивается привычный временной континуум, нарушается обычный нарративный характер осознания ошибки как действия, совершённого в прошлом. Это влечет за собой дальнейшее «обрастание» ошибки социальным контекстом.

На материале «Истории моих бедствий» Абеляра легко убедиться, что ошибка предстала не только как онтологическое явление, но и как этический феномен. В этом качестве ошибка становится точкой столкновения различных мировоззренческих позиций и попадает в поле внимания философской мысли Средних веков: текст Священного Писания был одной из первых в истории общества попыток конституировать норму общественного бытия. С одной стороны, введением христианской догматики ограничивалась свобода человека, с другой, – пространство общественных отношений обретало определенные правила и ориентиры. Соответственно, обозначалось и поведение «неправильное», то, которое обществом расценивалось как ошибка. Этическая окраска норм общественного бытия, декларируемых Священным Писанием, их выполнение или невыполнение конституировало этическую составляющую всех общественных отношений, что лежало в основе средневекового типа социальности и способствовало развитию человеческой субъектности. В полной мере эти процессы развернулись в ситуации Нового времени.

В § 4 «*Возникновение новоевропейского субъекта в контексте социального – условие рождения феномена социальной ошибки*» исследуется развитие феномена социальной ошибки в условиях новоевропейского общества. Новое время – период формирования категории субъектности в современном смысле этого понятия. Эпоха, начавшаяся с появления возрожденческого титанизма, породила личность как массовое явление, что способствовало развитию человеческой субъектности. Деятели науки, предприниматель-капиталист и политический деятель – три основных типа субъекта разных сфер человеческой деятельности – способствуют раскрытию внутренних потенций человеческой природы. Среди них способность не только к актуализации самоосновной деятельности, но и готовность брать на себя ответственность за её результаты, в том числе и за ошибки.

Вместе с ростом человеческой субъектности увеличивается и возможность ошибочных действий. Ошибка теперь не просто результат деятельности отдельного индивида: она может приобретать системный характер, и ее может совершить «большой» субъект, поэтому её социальная значимость многократно возрастает. Расширяется пространство действия закона иронии истории, где, с одной стороны, люди далеко не всегда осознают, что они на самом деле делают, а с другой, – знание неверности действия не отменяет его необходимости. Как следствие, рождается *неизбежная форма* темпоральности ошибки. В ответ на эту ситуацию выстраивается сфера общественной жизни, в которой человек сам создает свой социум – сфера социального. Конечно, не только проблематичность принятия безошибочных решений и совершения правильных действий заставила западное общество выстроить весь массив Социального. Однако именно в этой сфере в силу необходимости роста субъектного начала человеком совершаются его главные ошибки, а общество стремится минимизировать негативные последствия избыточной свободы своих субъектов и выступить гарантом от ошибок: система социального предстает как поле работы субъекта со стихийностью общественной динамики. Возможно, именно поэтому в обществе появляется идея признания права человека на совершение ошибки. В свете этой идеи само социальное может быть переопределено именно через понятие ошибки, т.к. само становление социального осуществляется не иначе, как методом «проб и ошибок», ведь общественно-исторический опыт созидания социума всегда практически отсутствует. В силу уникальности задачи, возникающей каждый раз в новых условиях, созидание социума осуществляется всегда заново, по принципу развития культуры как «мира впервые»¹. Неизбежным становится обучение на «собственном опыте», что необходимо предполагает и наличие ошибок, просчетов, промахов.

В третьей главе «**Социальная ошибка: история и логика становления феномена**» выявляется специфика социальной ошибки, возможность, с одной

¹Библер В.С. Диалог культур [Электронный ресурс] / В.С. Библер. // Учение и мысль. – 2014. – Режим доступа: www.myslenny.narod.ru/media_materials/Knigi/Bibler_dialog_Kultur.doc (дата обращения: 27.08.2014).

стороны, ее избегания, а с другой стороны – путь её использования в качестве средства преодоления человеком как ошибающимся существом действия закона иронии истории.

В §1 «*А-историческое событие как источник и причина инверсии социальных характеристик ошибки*» исследуется историческая компонента социальной ошибки на материале осмысления опыта мировых войн двадцатого столетия. Мировая война не является чьей-либо ошибкой, это, как правило, спланированное событие, которое лишь впоследствии выходит из-под контроля её зачинщиков и превращается в стихийный процесс. И все же между войной и социальной ошибкой есть связь: война – классический случай, когда теневая сторона деятельности больших групп людей выходит на первый план и заслоняет разумную, идеальную, «светлую» сторону. Итоги войны очень отличаются от целей каждого из её инициаторов. Закон иронии истории проявляется здесь в полной мере: появляются социальные субъекты, с позиции которых мировая война действительно выглядит как роковая ошибка всего общества.

Несомненно, здесь возникает противоречие: ошибка может признаваться лишь за действующим субъектом, а общество в целом не может выступать в качестве единого субъекта. Получается, что ощущение ошибки и общей беды хотя бы ненадолго, на краткий исторический миг, порождает переживание единства, общности, вообще чувство наличия, существования *всего общества*. Общество, не ставшее единым *субъектом деятельности*, но полностью втянутое в событие огромного масштаба и столь же огромной жестокости и бессмысленности, становится *единым ошибающимся субъектом* и в ощущении этой ошибки апофатически являет себя. Обратной стороной этой апофатики выступает проблематизация «неподсудности» исторической необходимости, невозможности ошибки в масштабе всего общества.

А-исторические события, каковыми, по Ясперсу, являются мировые войны, порождают целый ряд инверсий социальных характеристик ошибки. Во-первых, когда теневая сторона деятельности выходит на первый план, само а-историческое событие воспринимается как ошибка общества, являющего в ней свою квази-целостность. Во-вторых, уходит в прошлое представление о разумности, рационалистичности исторического процесса. В этих условиях очень сложно установить правильность или ошибочность действия, опираясь на его законосообразность и рациональность. Ошибка тогда приобретает характер интимно-личностного переживания массового человека войны – солдата. Наконец, в истории западноевропейской цивилизации наступает момент еще одной инверсии: теперь уже не общество (в лице своих идеологов) формулирует свои нормы по отношению к индивиду, а, наоборот, индивид предъявляет обществу свои ценности и требования, объявляя происходящее (войну) – ненормальным. Индивид выходит тем самым за пределы налично данного общества, становясь больше его. Причем это «больше» является не теоретическим конструктом, а реальной жизненной ситуацией, в которой можно искать истоки принципа «работы над ошибками». II мировая война

породила еще одну инверсию: только абсурдный поступок (например, подвиг) может уберечь человека от страшных действий (трусость, предательство), безошибочных с точки зрения здравого смысла. И наоборот, то, что подсказывает здравомыслие, расчет, строгая рациональность – может привести человека к предательству, сделать его трусом. Опыт мировых войн XX века порождает в итоге парадоксальный феномен: абсурдный, ошибающийся человек нередко становится подлинным субъектом истории.

В § 2 *«Специфика социальной ошибки: человек в пространстве закона иронии истории»* определены характеристики социальной ошибки в широком и узком смысле слова. В широком смысле слова любая ошибка – техническая, орфографическая – сделана человеком как общественным существом и в этом смысле социальна. В узком смысле слова социальная ошибка представлена как результат встречи субъекта с превращенными формами общественных отношений. Последние суть такие формы, в которых социальная практика, прежде чем предстать сознанию, претерпела ряд изменений и стала неузнаваемой, и эта неузнаваемая представленность принимается теперь за естественную сущность вещей. Кажимость и сущность спаяны, их нельзя разделить, как нельзя разделить две стороны одного листа бумаги. И дотянуться до сущности, минуя эту «превращенность», невозможно. Скрытость истинных отношений есть важнейшая черта превращенных форм. Человек в действительности имеет дело только с ними и поэтому постоянно находится в ошибочном положении. Истинная цель, средства её достижения, объект – могут быть скрыты от субъекта. Социальная ошибка становится в такой ситуации неизбежной, в чем проявляется действие закона иронии истории, в пространстве которого люди никогда точно не знают, что они делают. Субъект не может предвидеть все будущие повороты истории и знать, какими смыслами наполнится в перспективе результат его деятельности впоследствии.

Закон иронии истории проявляется в том, что в социальных отношениях время играет с человеческой деятельностью, и то, что поначалу признается положительным результатом, может со временем оказаться ошибкой, и наоборот. Однако именно поэтому социальная ошибка сулит деятелю определенный успех: превращенной формой результата деятельности может быть гениальная или великая ошибка, поражение, которое стоит многих побед. Такие ошибки дают простор субъекту раскрыться, ведь ощутить свою свободу возможно не только в успешных действиях, но и в несовпадении с поставленной целью. Парадоксально, иногда человек больше постигает себя и больше может сделать, ошибаясь. Этот эффект применительно к художественному творчеству В.Б. Шкловский назвал «энергией заблуждения», но она имеет универсальный характер и может действовать в жизни каждого, поскольку человек – не данность, а «негативность», вечный ответственный за перемены. Осмелимся предположить, что человек именно тогда и является в полной мере человеком, когда ошибается в диапазоне всей своей жизни: он умеет жить так, как будто бессмертен (а это ведь ошибка!), и в то же время так, как если бы сегодняшней день был в его жизни последним (что чаще всего

тоже есть ошибка). Первое и второе в пределе стягиваются в одну точку, совпадают, превращая человека в принципиально ошибающееся и в этом смысле «негативное» существо. Более того, на основе «негативности» и «энергии заблуждения» строится и развивается вся культура, поскольку она живая: «Иллюзия победы, самообман от незнания будущего есть истинный источник всех великих напряжений в истории, которые создали все прекрасное и законченное в ней»¹, – считал В.В. Розанов.

В движении к современности раскрывается новая историческая форма темпоральности социальной ошибки – *рефлексивная*: субъект деятельности может предвидеть будущую ошибку, но вернуться, не совершив её, в свою настоящую ситуацию, найти альтернативные пути решения задач и двинуться вперёд верным путем, достигая намеченной цели по схеме «назад в будущее». Работа над несовершенными ошибками – овозможение – важнейший механизм саморефлексии субъекта, а значит, и его становления как такового.

Критерием социальной ошибки (равно как и истинного, успешного социального действия) является общественно-историческая практика. Социальное действие будет ошибочным, если оно не затрагивает сущности тех объектов и явлений, на которые было направлено. Лишь в реальной исторической практике можно увидеть, достигла ли социальная деятельность сущности того объекта, на который была направлена. Однако практика как критерий истины одновременно абсолютна и относительна. Это значит, что нет такой конечной точки в истории, откуда можно было бы увидеть все смыслы и значения какого-либо деяния. В то же время у человека и человечества нет иного способа оценки деятельности, кроме как постоянный всесторонний анализ её результатов, ближайших, отдаленных и самых далеких, уходящих в бесконечную историческую перспективу. В каждом историческом последствии событие открывает новые, непредсказуемые смыслы, и оборотной, позитивной стороной социальной ошибки выступает исторический опыт социума.

Характеристики социальной ошибки позволяют сформулировать ее определение: социальная ошибка в узком, специфическом смысле слова – это расхождение результата с целью, возникающее при вовлечении субъекта в превращенные формы общественных отношений, сущность которых ускользает от его действия в пространстве закона иронии истории.

В § 3 «*Социальная ошибка как способ становления субъектности современного человека*» обоснована возможность работы над ошибками – это внутренний механизм, позволяющий современному человеку так или иначе возвращать свою субъектность, выстраивая личностные формы социального.

В обществе «текучей современности» (З. Бауман) человек живет в плотном окружении самых разных, часто противоположных паттернов-однодневок. Он ощущает себя либо постоянно ошибающимся, либо не ошибающимся никогда. Последнее более опасно: отсутствие чувства ответственности, привычка всё прощать себе приводит к полному разрушению

¹Розанов В.В. Эстетическое понимание истории. / URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_esteticheskoe_ponimanie.html (дата обращения: 22.11.2014).

субъектного начала в человеке. Тогда теневая сторона деятельности выходит на первый план по сравнению с её «светлой» стороной, и человек полностью отдаёт себя во власть закона иронии истории.

Выходом из этой ситуации кризиса субъектности может служить «налаживание отношений» со своими ошибками. Во-первых, можно попытаться избежать этих ошибок, сознательно приводя в действие закон иронии истории, с позиции «хитрости разума» разворачивая его на себя. В частности, интересным представляется предложенный Ю.А. Разиновым принцип объективной ошибки: человек иронически берёт на себя роль своеобразного социального актера и «с улыбкой авгура» ведёт игру по правилам своего социального окружения, задавая ему некоторую псевдо-целостность. Иначе говоря, воздействует на превращённые формы общественных отношений превращённой формой самого себя, своим превращённым действием. Выход за пределы действия закона иронии истории возможен, на наш взгляд, только с позиции той же самой иронии истории. Аналогом такой деятельности в искусстве выступает пастиш, ирония по поводу иронии, который может актуализироваться не только как литературная, но и как жизненная форма работы над ошибками. Во-вторых, как мы видели, можно использовать темпоральность ошибки: предвидеть её, но не совершать, мысленно возвращаться в исходный пункт и оттуда выстраивать новый алгоритм деятельности по принципу движения «назад в будущее». Наконец, в-третьих, человек способен культивировать в себе готовность к встрече с результатами своих ошибок. В этом плане наиболее продуктивным моментом представляется «энергия заблуждения». Действуя абсурдным путем, методом проб и ошибок, используя энергию собственного заблуждения, человек создает в этом мире свой дом – социальное, социум. И тем самым возвращает себе субъектность.

Представляется, что способность ошибаться, иметь право на ошибку, возможность анализировать, признавать, исправлять свои ошибки – пусть не единственный, но и *не такой уж ошибочный* путь к себе как к субъекту социального действия. Ирония истории, конечно же, действует и на этом пути, усугубляя данную задачу. Взяв за отправную точку пресловутое суждение, что «не ошибается тот, кто ничего не делает», мы пришли к выводу, что современный человек может сказать о себе: «ничего не сделает тот, кто не ошибается». Сказанное позволяет заключить, что человека вообще, а современного в особенности, действительно, можно определить как *homo errantium* – человека ошибающегося. При этом данное определение следует воспринимать как констатацию не ущербности, но преимущества человека.

В заключении в краткой форме обобщаются результаты, делаются выводы, намечаются возможные перспективы.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Публикации в рецензируемых изданиях, рекомендованных Высшей Аттестационной Комиссией:

1. Сафин А.М. Феномен ошибки в структуре человеческой деятельности // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2013. – Т. 155, кн. 1. – С. 157-162.
2. Сафин А.М. Онтология ошибки в социальном контексте / А.М. Сафин // Теория и практика общественного развития. – №13. – Краснодар: Издательский дом «Хорс». – 2014. – С. 26-28.
3. Сафин А.М. Человек в ситуации кризиса мета-нарративов: трансформация субъектности и феномен социальной ошибки / А.М. Сафин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. – 2014. – № 8. Ч. 1. С. 143-146.

Публикации в других изданиях:

4. Сафин А.М., Сафина А.М. Ошибка, хобби и скука как alter ego Человека Целеполагающего // Многомерность и целостность человека в философии, науке и религии: материалы международной научно-образоват. конференции / под ред. Э.А. Тайсиной. – Казань: Казан. ун-т. – 2012. С.184-188.
5. Сафин А.М., Сафина А.М. Скучающий субъект как фигура социальной философии // Садыковские чтения (К 80-летию со дня рождения профессора М.Б. Садыкова): История. Общество. Человек: материалы межвузовской научно-практической конференции, 2 ноября 2012 г. / науч. ред. Ф.Ф. Серебряков. – Казань: Казан. ун-т, 2012. С. 63 – 67.
6. Сафин А.М. Смертность человека в контексте общественных отношений // Итоговая научно-образоват. конференция студентов Казанского государственного университета 2008 г.: сборник тезисов / Казан. гос. ун-т. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. С. 124-125.
7. Сафин А.М. Некоторые социально-экономические аспекты гуманизации современного российского общества // Гуманизм и современность: материалы Международной научно-образовательной конференции (8-9 ноября 2013 г.) / под ред. Т.М. Шатуновой. – Казань. Казан. ун-т, 2013. С. 376-382.